

Алесь Мищенко (TG: @Vostok)

Сказка об облаках и силе тяжести

из сборника «Сказки, ставшие взрослыми»

В детстве облака мне казались плывущими по небу островами ваты. Тогда я был уверен что, если забраться на лестнице высоко в небо, то проплывающие над головой облака можно потрогать – они будут мягкие и сухие – как и положено вате. Их можно схватить – ветер будет их нести, лестница наклонится и из облака вырвется клок – с которым можно будет спуститься вниз – как с небесным трофеем.

А если добраться до облаков, наоборот, сверху – например упасть на них с самолёта – то упадёшь как на огромную перину. Я был уверен, что парашютистов обучают, чтобы, прыгая с самолёта, не попасть на облако. А иначе утонешь в нём, как это и должно быть в огромной супермягкой перине. Утонешь и наверняка запутаешься в своём собственном парашюте. А если летел с большой скоростью, то затормозишься, но, тем не менее, прорвёшь эту перину, вылетев с другой стороны, весь запутанный в парашютных стропах – уже без надежды что парашют раскроется.

Единственно в чём может повезти такому незадачливому парашютисту – это, если падать с малой высоты, то затормозишься и отпружишишь снова вверх – и так можно будет прыгать с облака на облако – может быть, запрыгнув обратно на самолёт. Ну или попрыгав на облаке, оставаться на нём, ожидая спасательную команду на вертолёте.

Вот так я представлял себе облака когда был ещё меньше тебя. А вот, когда в мультфильмах кто-то сидел на облаке – я понимал, что это сказка. Я был уверен что они, хоть и невесомые, но не настолько твёрдые, чтобы сидеть.

* * *

Моя детская теория о невесомых и ватных облаках стала рушится когда я задался вопросом: а сколько весит облако? Могу ли я, например, его поднять?

С одной стороны чего там понимать – оно и так летает. А с другой – кто ж знает из-за чего оно там летает, под воздействием каких сил. Самолет вон тоже летает, но вес у него будь здоров...

Хотя – нет, самолёт — это, всё-таки, другое дело: стоит понаблюдать за самолётом, так сразу понимаешь, что он ревёт, несётся изо всех сил и всё потому что старается не упасть. Более-менее понятно: если моторы затихнут и самолёт остановится, то сразу начнёт падать. А облака — видно что не стараются, плывут по небу свободно и легко. И никогда не падают. Так лететь — свободно и легко — могли только облака. Ну и ещё я сам, в своих снах или в фантазиях о прыжках с облака на облако.

Примерно в это же время мне, на мои расспросы, ответили что облака - это просто пар. Но это тогда мне казалось очевидным враньём: что, я пара что-ли никогда не видел?

* * *

Потом, когда я стал школьником, я стал постепенно терять это детское ощущение, эту веру в невесомые облака-перины. Немного повзрослев, я уже смотрел на облака по-другому, и они мне действительно казались похожими на гигантские клубы пара, заторможенные в своём "клублении". Заторможенные, а то и вовсе застывшие, замороженные высотным холодом.

И тогда я узнал ответ на свой вопрос о том сколько весит облако. И это оказалось немало. А самое интересное – это то, что я, почти как в детстве, когда представлял что из облака можно вырвать клок – и правда, один раз унёс часть облака с собой. Я тогда был высоко в горах и сделал это случайно, когда зашёл прямо в зацепившееся за вершину горы облако... Да, да, так оно и было. И, кстати, каждый может это сделать – унести с собой часть облака или часть тумана (ведь туман – это и есть облако, медленно опустившееся на землю). А горный туман – это облако, зацепившееся за гору. каждый может это сделать, потому что, после прогулки в таком тумане одежда становится влажной. Вот эта вода, которая впиталась в одежду после прогулки в облаке – и есть часть облака, которую мы уносим с собой. И, раз влажная одежда весит тяжелее, чем сухая, то значит, даже эта маленькая часть весит не так уж мало. Что уж говорить обо всём облаке. Я прочитал что учёные подсчитали что даже маленькое облако – такое которое можно закрыть ладонью на вытянутой руке – весит столько же сколько весит слон.

И это только маленькие, белые, похожие на вату, облака. А грозовые тучи, серые от скопившегося в них дождя, и закрывающие всё небо до горизонта – они могут весить, как, минимум, миллион слонов. То есть, быть в 2 раза тяжелее чем все слоны живущие на земле (которых осталось всего 440 тысяч). И ничего удивительного: дождь, пролившийся из них, может затопить, например, горные долины. Когда идут такие ливни, горные ручейки превращаются в ревущие потоки воды, реки выходят из берегов и затопляют окрестные деревни. Ничего удивительного, что вся эта вода весит как многие миллионы слонов. А ведь, до того как начался дождь, вся эта вода была в туче.

Когда ты видишь дождевую тучу, ты можешь сам посчитать сколько она весит. Для этого нужно послушать прогноз погоды – там скажут сколько в твоём городе ожидается миллиметров осадков. Представим, например, что в твоём городе выпал всего 1 миллиметр осадков (это маленький дождик). Этот 1 миллиметр нужно умножить на площадь твоего города – и получится сколько тонн весил дождь. Например, дождь выпавший на Москву (площадь которой 2500 миллионов квадратных метров) весит: 0.001 умножить на 2500 миллионов. Получается два с половиной миллиона тонн. Это и есть вес примерно миллиона слонов. И это только маленький московский дождик. Сильный ливень над Москвой может давать 15 миллиметров осадков, а значит, весить как 15 миллионов слонов.

После этих подсчётов, тучи мне представлялись огромной толпой толкающихся в тесноте серых слонов. Ну а лёгкие белоснежные облака, плывущие по небу неторопливо и величественно, как парад, представлялись мне белыми летающими слонами.

Но это всё не главное. Главное, что изменилось с тех пор как я повзрослел, было не то что облака потеряли свою волшебную лёгкость, а то что эту лёгкость потерял я сам. Я перестал представлять как могу прыгать с облака на облако, в этих сверкающих на солнце небесных островах, то пружиня, то утопая в этих волшебных перинах. Мне перестали снится сны, в которых я летал среди облаков. Вероятно, с возрастом тяжелеет не только тело.

* * *

Почему же, с течением времени, всё более и более невероятными мне казались такие лёгкие и свободные полёты в облаках? И всё реже снилось что я летаю? Мне говорили, что это нормально: люди взрослеют и перестают летать во сне. А я думал: почему? Почему же, с возрастом люди становятся тяжелее – не только телом, но и тем неуловимым, что путешествует по фантастическим мирам во снах и фантазиях и обычно называется «душа»?

Я вспомнил как в первый раз почувствовал тяжесть на душе. Мы тогда ехали в пионерский лагерь. Автобус, в котором везли наш, один из самых младших отрядов, ехал последним в колонне. Дети, ещё не знакомые друг с другом, сидели тихо и смотрели в окна – на лес по обеим сторонам дороги. Кроме водителя, с нами ехала воспитательница – строгая как учительница с картинки букваря и двое молодых вожатых – парень и девушка, оба в пионерских галстуках. Из пионерского возраста они, конечно, давно уже выросли, но так, мне казалось, хотели быть ближе к детям. Я ехал, задумчиво смотрел в окно, о которое, время от времени, бил козырёк моей кепки. Представлял, что впереди меня ждут, как в пионерских фильмах, весёлые лагерные приключения. И ещё я уже немного скучал по родителям, и ещё меня немного укачало. Так что, я был рад, когда воспитательница объявила остановку – чтобы все сходили в туалет.

– Мальчики налево, девочки направо, – объявила она, пересчитав детей на выходе из автобуса. Она уже считала нас перед посадкой, но, как я подумал, у неё было просто такое хобби. Воспитательница осталась вышагивать у автобуса, а двое вожатых смотрели чтобы мы не зашли далеко в заросли.

И именно там, отойдя от автобуса, в кустах, я заметил раненую птицу – её то-ли сбила машина, то-ли поранил да так и не догнал какой-то хищник. Как я (много позже) выяснил, посмотрев картинки с названиями, это был стриж. Он просто сидел, не кричал, не суётися, а просто беспомощно смотрел по сторонам. Он посмотрел и на меня – странным таким взглядом – мне показалось, со страхом и с надеждой. Я нагнулся и осторожно взял его в руки. Птица попыталась вырваться, делая крыльями неумелые маховые движения – как будто пыталась взлететь. Но

взлетать не получалось, и она упала, из моих ладоней снова на землю, неуклюже завалясь на бок. Я оглянулся вокруг, в поисках чего-то типа носилок. В автобус уже возвращались дети. И воспитательница стоящая на входе, снова считала их, касаясь каждой головы. Шофер курил в водительское окно и наблюдал за процессом – чтобы знать сколько у него ещё времени.

Я сел на корточки, попытался взять птицу ещё раз. Она снова задвигалась, вынула крыло из моих ладоней – тем движением каким человек вынимает руку из рукава. Потом оттолкнулась вторым крылом – ей, наверное, показалось что вот сейчас она сможет снова взлететь – она снова захлопала крыльями по моим рукам, вырвалась и снова неуклюже упала на бок. Хорошо что я не стоял – иначе бы она упала со всей высоты моего, пока небольшого, но для неё, наверное, гигантского, роста. Я остановился в нерешительности.

Тем временем, автобус просигналил – это значило что всем надо занимать свои места. Я засуетился, снял кепку, попытался осторожно просунуть козырёк под птицу, чтобы она и не заметила как оказалась внутри этого, похожего на гнездо, головного убора. Но она заметила. Стала грести крыльями по земле как будто пыталась плыть стилем «баттерфляй». Шофер просигналил ещё раз и, отбросив на обочину окурок, приготовился завести машину.

– Ну! А ты чего там? Быстрее в автобус! – крикнула мне недовольная воспитательница.

– Тут! Птица! – слабо крикнул я, нервно переминаясь с ноги на ногу.

– Чего?

– Тут! Птица! – повторил я, уже как-то вопросительно.

– Какая птица? С птицами нельзя. Быстрее в автобус! – замахала мне она.

– Тут её сбили, – я сделал шаг навстречу, как бы выходя на переговоры. Но воспитательница была непреклонна. А может, просто меня не расслышала:

– С птицами нельзя! Зооуголка в лагере нет. Автобус уезжает. Быстрее! – и направилась ко мне, всем своим видом не обещая ничего хорошего.

Я посмотрел на стрижа. А он, по-прежнему смотрел на меня – широко открытым, иногда моргающим глазом. Может щурился от

боли, а может хлопал глазами от непонимания того, что с ним произошло.

Шофёр, подтверждая своё согласие со словами воспитательницы, просигналил ещё раз и завёл мотор. Приближающаяся воспитательница ускорила шаг.

Я, уже суетливо, попытался зачерпнуть его в кепку. Он выскоцил оттуда, на этот раз перевернувшись в воздухе – как спортсмен по прыжкам в воду – и упал уже на спину, впервые негромко зачирикав.

– Да, я иду! Сейчас! – предательски закричал я, решив, хотя бы прикрыть стрижа травой – чтобы ему было теплее ночью. Судорожно, обеими руками я нарывал травы и забросал птицу – как сеном. Стрижа уже было не видно и только сквозь траву на меня по прежнему смотрел тот же самый глаз – то-ли со страхом, то-ли с надеждой.

– Ты сходил в туалет? Что ты там закапываешь? Ты что, собака чтоб закапывать? – грозно приближалась воспитательница. И я, оторвавшись от взгляда закопанного мной стрижа, виновато направился к ней.

– Там птица, её сбили, – заплакал я, когда воспитательница уже довела меня до автобуса и подтолкнула мою голову в двери – так как полиция держит головы заключённых когда сажает их в машину. Якобы для того чтобы они не набили себе шишек, а на самом деле что бы заключённые привыкали чувствовать твёрдую руку закона у себя на голове.

– Сидел там, закапывал, как пёс, – поделилась она курьёзом с водителем.

Водитель добродушно (а тогда мне казалось, что зло) засмеялся и с интересом посмотрел на меня, уже не могущего остановиться от плача.

Если бы у меня были в этом автобусе друзья – мы вместе, возможно, придумали бы что-то. Подняли бы шум, уговорили бы взрослых... Или, наоборот, вместе спрятали бы птицу среди наших вещей – спрятали и вместе уводили бы внимание строгой воспитательницы от этого чирикающего рюкзака. Какой-то шутник-балагур, который всегда находится в любом пионерском отряде, начал бы тоже чирикать, убеждая что это он производит эти странные звуки. Ну а если бы взрослые всё же настояли бы на

проверке содержимого чирикающего багажа, то какой-то ловкий парень, который тоже есть в любом отряде, незаметно поменял бы рюкзаки. Было бы весело, как в детских фильмах. И запомнилось бы на всю жизнь. Но так бывает, действительно, только в детских фильмах.

А на самом деле у меня в том автобусе не было друзей – я всех их видел первый раз. И они были совершенно не похожи на те весёлые компании которые показывают в детских фильмах. Все не отошли от прощания с родителями и ехали притихшие – так же как и я, среди незнакомых людей. Кто-то даже подплакивал – ему уже хотелось домой. Поэтому и моё поведение не показалось никому удивительным. Кто-то равнодушно, кто-то с лёгким презрением наблюдал, как, уже взрослый парень, расплакался как девчонка, запросился, как наверное они подумали, обратно к мамочке.

Хорошо ещё, что замечание воспитательницы про то что я, как собака, закапываю свой туалет, никто, кроме водителя не понял или не услышал. Воспитательница была достаточно опытная и не создавала в отряде ситуаций, способствующих травле. Лишь только изредка потом, когда я отставал от лагерного распорядка, она вспоминала развеселившую её тогда заминку. Например, когда я не слишком быстро и весело (как предполагалось для настоящего пионера) бежал на утренние линейки - весь отряд тогда выстраивался, как солдаты, в шеренгу по росту и громко пересчитывал сам себя: Первый! Второй! Третий! Или когда я опаздывал на построение перед тем как, тоже весело, строем, надо было идти в столовую... Изредка в таких случаях она мне кричала: «ну, а ты что там копаешься? Опять закапываешь?»

На вопросы других детей о том что же это она имеет ввиду – я отмалчивался. Друзей в то лето я так и не нашёл и никаких весёлых пионерских приключений так и не случилось. Воспоминание об оставленной на обочине дороги птице так и осталось самым сильным из той лагерной смены. Этот глаз закопанного мной стрижа, смотрящий на меня то ли со страхом то ли с надеждой – так и остался тяжестью на душе.

И уже тяжелее мне стало в своих фантазиях подниматься до облаков. Как же туда подняться, если тот стриж уже никогда не взлетит? Когда лагерный горн трубил отбой, я ворочался, скрипя железной сеткой кровати и, смотря в окно, в вечереющие небеса,

пытался, как прежде, представлять, как я прыгаю по розовым закатным облакам, пружиню и взлетаю высоко вверх – так что становится видно скрывшееся за горизонтом красное солнце. Но вместо этого мне представлялось как где-то там, на дороге, оставленный мной стриж, смотрит в сгущающиеся ночные сумерки, ждёт меня. И потом, когда тут, в лагере, уже стихали ночные разговоры моих соседей по палате, а там лес погружался уже в полную темноту, я представлял как в его взгляде становится всё меньше надежды. И всё больше страха.... Незаметно для себя, я просыпался от утреннего горна – надо было заправлять постель (назначаемый каждодневно дежурный следил, чтобы подушка на каждой кровати лежала аккуратным треугольником, похожим на наполеоновскую шляпу) и бежать вместе со всеми на улицу – там к длинной, отделанной кафельной плиткой, стене, были приделаны, с одной стороны, туалеты, а с другой – были раковины для умывания и чистки зубов. А потом – линейка и построение на завтрак. Размешивая жёлтое пятно масла в манной каше, я снова вспоминал о стриже – как он там, лежит, постепенно угасает от голода, и во взгляде его, наверное, уже нет даже страха – только мутное безразличие.

Потом я перестал переживать. Но тот стриж так и остался тяжестью на моей душе. Остался и по сей день. И ещё, после этого лета, я понял: те кто летал – во сне или в своих фантазиях – перестают летать во взрослом возрасте именно вот так, по мере того как им на сердце ложится всё больше таких тяжестей. Это и называется взрослением.

После этого случая были и другие. Например, один раз я не заступился за своего друга когда его несправедливо ругал директор (потому что как тут заступиться – ведь это сам директор!). И несмотря на то, что повод был пустяшный, и вскоре мы помирились, но всё же – его быстрый взгляд, которым он на меня глянул в тот момент когда его ругали – так и запомнился, так и остался в моей памяти как свидетельство моего хоть и маленького, но предательства. Или, например, пару раз я мог бы что-то сказать родителям, как-то поддержать в трудную минуту – и эти слова (я теперь, как родитель, это знаю точно) остались бы с ними, и помогали бы им всю жизнь. Но я не нашёл что сказать. Я

же не привык поддерживать взрослых – мне тогда казалось, что взрослые сильные и в поддержке не нуждаются. Всё это накапливалось, и никуда не девалось, и постепенно из-за этого и исчезала та детская лёгкость которая позволяла мне летать во сне и прыгать с облака на облако – свободно и легко – так, как плывут по небу и сами облака. Или позднее, в отрочестве, в ссорах с сестрой я часто мелочился вместо того чтобы, как старший, уступить, проявить великодушие.

Или, вот совсем недавно: когда мои дальние родственники с берегов Днепра, прятались в подвале от грохота прилётов, и, вроде как, потом бежали на запад от наступающей российской армии. Я тогда думал, что можно их найти, возобновить давно утерянный контакт, чем-то помочь... Но так и не сделал ничего — вроде потому что «где их теперь найдёшь?», но, в глубине души, было и такое, что боялся, что поиски и попытки помочь будут расценены как «финансовая или иная помощь вражеской стороне».

Или вот, даже сейчас, корректируя текст перед отправкой в московский литературный журнал, я сомневаюсь: не подправить ли своих родственников, силой художественного воображения переселив их чуть восточнее, на берега Лугани или Сиверского Донца — туда где, как мне казалось, редактор сочтёт историю их страданий более подходящей. А значит, сочтёт подходящей и мою публикацию.

Сказочно-лёгкие облака, по которым я прыгал в детстве, превратились в тяжёлые тучи, весом в миллион слонов и закрывающие плотной завесой всё небо. Такие облака давят даже когда ты просто стоишь на земле, не говоря уж о том, чтобы взлететь к их сверкающим вершинам.

* * *

Возможно когда-то в будущем, учёные придумают и точную формулу для того, чтобы подсчитать эту, не дающую летать, тяжесть на душе. Такую же простую формулу как та, по которой я посчитал вес дождевой тучи, вес огромного серого неба над Москвой.

[Следующая сказка](#). [Оглавление](#). Обратная связь: @Vostok